

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (55) — 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке
Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

ISSN 1992 – 2892

© «Женщина в российском обществе», 2010

С о д е р ж а н и е

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

- Пушкарев Л. Н.** Песни «данцигских полонянок» (Из воспоминаний фольклориста-фронтовика) 3
- Королева Л. А., Королев А. А.** Российская мусульманка-татарка: из советского прошлого, 1940—1980-е гг. (По материалам Среднего Поволжья) 9

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

- Ярская-Смирнова Е. Р.** «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики 14
- Чернова Ж. В.** «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики 26
- Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонина Г. Л.** Положение женщин-инвалидов в Российской империи в XVII — начале XX в. 39

СОЦИОЛОГИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Цалко Е. О., Рябова Т. Б.** Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов (По результатам социологического исследования) 57
- Сауляк Е. В.** Сегментирование рынка труда с позиции гендерных различий в оплате труда 66
- Уралова С. В.** Международные индикаторы в оценке гендерного неравенства 71
- Птицына Н. А., Зубарева Л. В.** Гендерные аспекты аддиктивного поведения в студенческой среде 80

ГЕНДЕР И ОБРАЗОВАНИЕ

- Штылева Л. В.** Гендерные студии русской педагогики XIX в.: проект «вполне гуманного женского образования» П. Ф. Каптерева 93

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- Мокеева Е. А.** Проблемы отбора тем в социальной рекламе: гендерный аспект 103
- Аннотации* 111
- Авторы номера* 116

Сведения об авторах

- САУЛЯК
Елена Васильевна** кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры прикладных экономических дисциплин, Орловский государственный университет.
E-mail: esaulyak@mail.ru
- УРАЛОВА
Светлана Валентиновна** соискатель кафедры истории, философии и социальных наук, Иркутский государственный лингвистический университет.
E-mail: uralova@inbox.ru
- ЦАЛКО
Екатерина Олеговна** аспирантка кафедры общей социологии и феминологии, Ивановский государственный университет.
E-mail: vorontsova_kate@mail.ru
- ЧЕРНОВА
Жанна Владимировна** кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, ГУ-ВШЭ (Санкт-Петербург).
E-mail: nota@eu.spb.ru
- ШАМАТОНОВА
Галина Леонидовна** кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова.
E-mail: gshamatonova@mail.ru
- ШТЫЛЕВА
Любовь Васильевна** кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических технологий и педагогического проектирования, Мурманский государственный педагогический университет.
E-mail: lyubov_shtyleva@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА
Елена Ростиславовна** доктор социологических наук, профессор, ГУ-ВШЭ (Москва).
E-mail: elena.iarskaia@socpolicy.ru

ББК 60.561.51

Ж. В. Чернова

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ»: МОЛОДАЯ СЕМЬЯ КАК ОБЪЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

«Второй демографический переход»: западный вариант

В современных западных странах в последние десятилетия происходят существенные изменения в области гендерных отношений, демографического и семейного поведения мужчин и женщин. «Второй демографический переход», который переживают страны Западной Европы с середины 1970-х гг., рассматривается В. де Каа как результат движения общественного сознания от консерватизма к прогрессивности, при этом прогрессивность понимается как толерантность и восприимчивость к новым ценностям и моделям поведения. Выделяют четыре основные черты этого перехода: переход от «золотого века» брака к его закату, т. е. широкое распространение юридически неуправляемых форм совместной жизни и альтернативных форм семьи; переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной «зрелой» паре партнеров с одним ребенком; переход от превентивной контрацепции, предназначенной для предотвращения рождения «ранних» детей, к сознательному планированию рождения каждого ребенка; переход от унифицированной модели к плюралистическим моделям семьи.

Родительство является важным элементом как западной, так и отечественной семейной политики. Само определение и содержание семейной политики часто связывается именно с родительством, т. е. выполнением функций воспитания детей в семье и заботы о них, поскольку в большинстве случаев объектом семейной политики выступает именно семья с детьми. Плюрализация форм семейных отношений затрагивает не только отношения между супругами/партнерами, но также между родителями и детьми. В первую очередь это находит свое выражение в появлении и распространении помимо традиционной нуклеарной семьи монородительских семей (материнских или отцовских), состоящих из одного родителя и детей, проживающих вместе с ним; гражданских браков или партнерств; бинуклеарных семей, состоящих из разведенных родителей, вступивших в новые союзы и совместно воспитывающих общих детей, и др. Многообразие форм семейных отношений оказывает влияние на родительство и как на социальный институт, и как на повседневные практики мужчин и женщин, связанные с осуществлением заботы и воспитанием детей.

© Чернова Ж. В., 2010

Окончание. Начало в № 1.

Работа выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Поколение "R". Молодежь и экономический спад в сравнительной европейской перспективе» (руководитель — проф., д-р социол. наук Е. Омельченко) при финансовой поддержке ЦФИ ГУ-ВШЭ. Т74.

Традиционно родительство связывалось с брачными отношениями, которые определяли родительские роли мужчин и женщин. Плюрализация родительства, произошедшая в последние десятилетия в западных странах, связана также с тем, что родительство и супружество стали разделяться. Иными словами, родители ребенка не обязательно состоят в брачных законодательно оформленных отношениях, ребенок может быть рожден в браке, партнерских отношениях или одиноким родителем. Причем принятие решения о рождении ребенка не обязательно повлечет за собой изменение брачного статуса родителей. Это связано с более либеральным отношением к внебрачным связям и внебрачным рождением, характерным для большинства западноевропейских обществ. Мужчины и женщины в большей степени ориентированы на партнерские отношения и хотят иметь детей не только потому, что они женаты, но и по другим мотивам, связанным с эмоциональной потребностью в близости и желанием личной самореализации в сфере родительства. Таким образом, родительство, осуществляемое вне законодательно закрепленных рамок традиционной структуры семьи, отделяется от супружества.

Широкое распространение в странах Западной Европы гражданских (незарегистрированных) браков, партнерских отношений, как гетеросексуальных, так и гомосексуальных, в последнее десятилетие привело к увеличению количества рождений детей у партнеров, не состоящих в зарегистрированном браке. Как показывают данные, в начале 2000-х гг. почти во всех европейских странах доля внебрачных рождений возросла более чем на 10 %, а в некоторых странах более чем на 50 %. Существуют вполне определенные различия между количеством внебрачных рождений и моделью семейной политики. Для скандинавских стран характерен высокий уровень внебрачной рождаемости, уже в 1980-х гг. количество внебрачных рождений было там достаточно высоким (Исландия — 64 %, Швеция — 56 %, Норвегия — 50 %). В 2003 г. большинство внебрачных рождений в Европе приходилось на скандинавские и североевропейские страны. В то время как в странах Южной Европы, с консервативной семейной политикой, направленной на воспроизводство традиционного гендерного порядка, уровень внебрачной рождаемости остается достаточно низким, ниже 10 % (Кипр — 3,5 %, Греция — 4 %, по данным на 2000 г.).

Одно из основных отличий современного родительства от традиционного заключается в том, что современное родительство становится более рефлексивным, появляется так называемое сознательное, или ответственное, родительство. Это означает, что оно становится результатом индивидуального выбора мужчин и женщин, вписанного в их общий жизненный проект. Это приводит к тому, что, как отмечают исследователи, европейцы становятся родителями намного позже, чем в предыдущие годы, поскольку решение о рождении ребенка принимается ими в более позднем возрасте. Увеличивается разрыв между временем вступления в брак и рождением первого ребенка. Возрастает количество бездетных браков или партнерств [31, р. 64]. Это связано с возникновением так называемого отставленного родительства, когда супруги или партнеры планируют рождение ребенка исходя из собственных жизненных планов, выбирая наиболее оптимальное, с их точки зрения, время, которое мо-

жет быть связано с теми или иными этапами жизни индивидов, например окончание учебы, достижение определенного профессионального статуса, материального благополучия и пр. Отставленное родительство также дает им возможность для личной и профессиональной реализации, достижения социальной и психологической зрелости и готовности к осуществлению заботы о ребенке, обеспечения его благосостояния. В этом смысле феномен отставленного родительства связан с изменением тех значений, которые приписываются материнству и отцовству в современном обществе. Родительство, являясь значимой частью жизненного проекта индивидов, предполагает большую ориентацию на эмоциональные потребности ребенка, выполнение эмоциональной работы и осуществление заботы о нем обоими родителями, что может до известной степени ограничивать их профессиональные возможности по сравнению с людьми, не имеющими детей. Кроме того, возможен полный отказ от родительства, в этом случае люди сознательно принимают решение не иметь детей, что не связано с состоянием их репродуктивного здоровья, характером супружеских/партнерских отношений, брачным статусом. В данном случае сама возможность принятия такого решения показывает, что родительство перестает быть предписанной ролью, а становится результатом личного выбора индивида.

За последние десятилетия отставленное родительство становится распространенной практикой для многих европейских стран. Так, если в 1980 г. только в некоторых странах Западной Европы средний возраст женщин при рождении первого ребенка составлял 25 лет и старше, то в 2000 г. он поднялся до 30 лет [31, р. 63]. Во всех европейских странах за последние 20 лет произошло увеличение возраста женщин при рождении первого ребенка. Если в начале 1980-х гг. только в шести странах (Финляндии, Франции, ФРГ, Нидерландах, Швеции и Швейцарии) первое рождение ребенка у женщин происходило в возрасте 25 лет и старше, в то начало 2000-х гг. это стало характерным практически для всех европейских стран, включая постсоветские и бывшие социалистические страны. Более того, в некоторых странах средний возраст первого рождения ребенка стал составлять 30 лет.

Изменение репродуктивных и семейных паттернов жителей западных стран выражается в увеличении числа разводов и, как следствие, в росте числа одиноких родителей, воспитывающих детей. В западном дискурсе для обозначения такого типа семей используется понятие «монородительство». Этот термин появился относительно недавно, хотя как социальное явление монородительство существовало достаточно давно, поскольку наряду с нуклеарными семьями были также овдовевшие супруги и матери-одиночки. Данное понятие используется не только для того, чтобы подчеркнуть многообразие семейных отношений, характерное для современного общества, которое не могло быть адекватно изучено в рамках нормативного представления о семье, состоящей из двух родителей и детей, но также для того, чтобы легитимировать этот тип родительства, обозначить его широкое распространение в странах Западной Европы. Наименование «монородительские» для таких семей является, на мой взгляд, показательным особенно в сравнении с отечественным дискурсом, как советского, так и постсоветского периода, поскольку оно

предполагает большую нейтральность и не несет в себе негативной коннотации в сравнении с понятием «неполная семья», которое связывается с отклонением от нормы. Использование термина «монородительство» в языке официальных документов, государственных программ и научных исследований подразумевает изменение отношения к обозначаемому им явлению при изучении разнообразных типов семьи и родительства, большую толерантность к многообразию семейных отношений и конфигурации родительских ролей, тогда как до этого момента в качестве нормативной модели рассматривалась нуклеарная семья, в то время как все остальные определялись к терминам девиации и отклонения от нормы.

Таким образом, «второй демографический переход», изменения в гендерной культуре, экономическая эмансипация женщин привели к тому, что произошла плюрализация семейных отношений, когда традиционная модель нуклеарной семьи перестала рассматриваться в качестве нормативного образца, а другие типы семейных отношений — как отклонение от нормы. Это привело к тому, что супружество и родительство разделились, родительство стало более многообразным, оно стало основываться не только на биологическом родстве между родителем и ребенком, в центре внимания оказались вопросы качества взаимоотношений, социальной заботы о детях. Наряду с этим родительство становится сознательным выбором партнеров (сознательное родительство). Сознательное родительство как «проект» стало соотноситься с жизненными планами мужчин и женщин, когда они делают выбор между продолжением образования или работой и принятием решения о рождении ребенка, возникает так называемое отставленное родительство. Увеличивается потребность в поддержке со стороны других социальных акторов, в первую очередь государства, выработке и реализации политики, «дружественной семье» (*family friendly policy*), для того чтобы совмещать профессиональные и родительские обязанности; расширяется репертуар супружеских и родительских ролей, который непосредственно связан с моделью семейной политики, вписан в более широкий контекст гендерной культуры общества, определяющей гендерное разделение труда в сфере родительства и возможности его изменения.

Россия в(не) контексте(а) западных трендов гендерных отношений?

В отечественном академическом дискурсе условно можно выделить две основные точки зрения на состояние и перспективы развития семьи — алармистскую и модернизационную, представленные главным образом в работах таких авторов, как социолог семьи А. Антонов и демограф А. Вишневский соответственно. Алармистская позиция основана на представлении о том, что семья находится в состоянии глубокого кризиса. По мнению А. Антонова, произошедшая в стране трансформация семьи является частным выражением глобального мирового кризиса социального института семьи, который рассматривается как «пороки социальной организации рыночно-индустриального типа» [26, с. 579]. Кризис семьи связывается с ослаблением социально-нормативной регуляции семейности, трансформацией культурных символов и образцов, снижением ценности брака, семьи с детьми, внутрисемейного единства.

Сторонники представления о кризисе семьи негативно оценивают утрату либо замещение государственными и общественными институтами ее основных функций, разрушение социокультурных норм многодетной семьи и семейного образа жизни. Они отмечают устранение семейного производства как преобладающего в общественной экономике и семейного образа жизни, вытеснение всех членов семьи в сферу наемного труда, замену совместной деятельности родителей и детей индивидуальным самообслуживанием и потреблением, ориентацию деятельности всех социальных институтов на индивидуальность. Поэтому в качестве целей социальной политики ими предлагается укрепление семьи, упрочение семейных ценностей в противовес индивидуальным, развитие семейной собственности и семейного производства, переориентация деятельности всех социальных институтов с индивида на семью. «Семейная политика, — по словам А. Антонова, — это деятельность государства, политических партий, общественных организаций, групп интересов и т. п., направленная на внедрение в жизнь той модели семьи с двумя родителями и несколькими детьми, которая отвечает потребностям личности и общества. Это политика укрепления семейного образа жизни, семьецентризма самого общества, фамилистической культуры и цивилизации. Цель политики не в “возрождении” “традиционной”, или “патриархальной”, семьи, а в социальном конструировании современной семейности, которая оказывается привлекательной для супругов, родителей, детей и одновременно для общества, поскольку современная семья в своем функционировании реализует социетальные функции. При этом семейная политика это даже не деятельность, направленная исключительно на семью. На самом деле семейная политика — это политика, ориентированная на изменение всего строя современной цивилизации, по существу антисемейной, враждебной семье и личности» [26, с. 617]. Стратегической, долгосрочной целью семейной политики, по мнению сторонников данного подхода, является укрепление семьи как социального института, что требует специальных усилий со стороны общества и государства, поощрения полных семей с тремя-четырьмя детьми, повышения ценности материнства и отцовства как социально значимых профессий. Одним из ведущих направлений семейной политики, по мнению Антонова, должно стать повышение рождаемости, в связи с чем он формулирует рекомендации по улучшению социально-экономических условий реализации имеющейся у большинства населения потребности в двух детях и у части населения — в трех и более детях.

Сторонники модернизационной позиции, напротив, утверждают, что трансформация семьи осуществляется в рамках более широкого процесса модернизации, «кризиса ее традиционной формы, перехода к новому типу семьи» [14, с. 239]. А. Вишневский полагает, что особых оснований, чтобы драматизировать нынешнюю «семейную» ситуацию в России, нет. В массовом демографическом поведении людей не наблюдается никаких чрезвычайных изменений, частота браков, разводов, уровень рождений остаются в границах колебаний, наблюдающихся уже не одно десятилетие. Основные положения данного подхода представлены в работе под редакцией А. Вишневского, посвященной развитию семьи и семейной политике [4]. Авторы придерживаются отличной от алармист-

ской точки зрения на положение российской семьи. Они предлагают определение семейной политики как совокупности целенаправленных воздействий на существующие в обществе отношения по поводу семьи и социальные институты, влияющие на ее функционирование. По их мнению, цель семейной политики — обеспечение наиболее благоприятных социальных, экономических и нравственных условий свободного развития каждой семьи, наилучшего выполнения семьей своих функций. Сторонники этого подхода считают, что семейная политика — это особая область социальной политики, призванная обеспечить новое равновесие между личностью, семьей и обществом на принципах свободы личности, равноправия и партнерства, «организовать и координировать деятельность социальных институтов, обеспечивающих взаимодействие семьи и общества на всех направлениях функционирования семьи» [4, с. 25—26].

Необходимо отметить, что алармистский подход дает негативную оценку всех изменений, происходящих в институте семьи в связи с развитием рыночной экономики индустриального и постиндустриального общества и исходит из необходимости изменения государства и всех социальных институтов в интересах полной многодетной семьи, предлагает целый ряд мероприятий, направленных на укрепление и развитие семейного образа жизни, обеспечение приоритета интересов семьи над интересами государства и индивида. Такой взгляд на положение семьи присутствовал в академическом дискурсе, но не был доминирующим до начала 2000-х гг., когда алармистская точка зрения на положение семьи стала приобретать все большее распространение и получила законченное оформление в политических заявлениях и государственных программах последних лет.

Неотрадиционализм как устойчивая тенденция трансформации гендерных отношений в современной России отмечался многими исследователями с конца 1990-х гг., на сегодняшний день можно говорить о том, что данная тенденция является доминирующей, а также об институционализации традиционалистского дискурса в отношении семьи. В чем он заключается? Во-первых, в общественном и политическом дискурсе произошла абсолютизация семьи, приписывание ей наивысшей ценности, идеализация традиционной модели семьи и патриархатных гендерных отношений. Так, например, по словам Д. Медведева, основная цель проведения Года семьи в России в 2008 г. заключается в том, чтобы «вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века» [40]. Во-вторых, для неотрадиционалистов характерен негативный взгляд на деятельность государства в отношении семьи, реализуемую на предыдущем этапе, советская семейная политика рассматривается как политика, направленная на разрушение традиционной семьи. В-третьих, происходит сведение всего многообразия функций, выполняемых семьей в современном обществе, исключительно к репродукции. Однодетные и малодетные семьи рассматриваются в рамках традиционалистского дискурса как негативное явление. В качестве нормативного типа провозглашается семья, состоящая из двух родителей и трех-четырех детей. Особое внимание уделяется пропаганде многодетности. В-четвертых, кризисное состояние семьи связывается с негативными процессами, происходящими в обществе, поэтому необходимо повы-

сильную значимость семейных ценностей. В-пятых, современный этап семейной политики, реализуемый в России, выделение особого направления молодежной семейной политики направлены на поддержку только одного социально желаемого типа семьи (семья с двумя родителями и тремя и более детьми). Стимулирование рождаемости и воспроизводство населения рассматриваются наиболее важными задачами семейной политики, что делает ее фактически синонимом демографической политики. Плюрализация гендерных отношений, многообразие типов семей, общемировые тенденции демографического и семейного поведения остаются вне поля зрения.

Итак, мы видим, что государство уделяет достаточно большое внимание семейной политике как одному из направлений социальной политики. Особую значимость она приобрела в последние годы, подтверждение чему можно найти в идеологических документах, а также программах реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики РФ. Это связано как с политическими, так и экономическими факторами, которые создают новые, по сравнению с предыдущим периодом, структурные условия для формирования и реализации государственной политики в отношении семьи. Необходимо еще раз отметить, что по-прежнему семейная политика в большей степени рассматривается как демографическая, что, по сути, является ответом государства на проблему низкой рождаемости — тенденцию, сложившуюся в позднесоветский период. В этом отношении выделение молодой семьи как отдельного института и предъявление к ней со стороны государства ряда четко прописанных ожиданий, связанных в первую очередь с выполнением репродуктивной функции, позволяет говорить о том, что «патриархатный ренессанс», который является отличительной чертой гендерных отношений в современной России, приобретает вполне очевидные и институционально закреплённые формы.

Кризис и политика государства в отношении семьи

Необходимо отметить, что в отечественном академическом дискурсе тематика кризиса и его влияния на семью в целом, а также молодую семью в частности практически не представлена. Существует определенный массив литературы, посвященной социально-экономическим трансформациям 1990-х гг., переходу от советского к постсоветскому этапу развития общества. Социологические исследования семьи, традиционно связанные с демографией и экономической статистикой, отталкивались в своих выводах и прогнозах от зафиксированных этими науками таких фактов, как падение рождаемости, рост разводов, увеличение числа неполных семей и одиноких людей, сопутствующие исключительно высокому уровню женской занятости. Именно эти тенденции выделили социологи, анализируя мотивы брака, причины разводов, изменения репродуктивных установок, семейную идеологию, функции современной семьи и в конечном счете обосновывая те или иные меры семейной политики. Именно на базе анализа и оценки этих тенденций возникли две концепции современной семьи: алармистская (А. Антонов, В. Медков и др.), основанная на идее утраты важнейших цементирующих семью ценностей, и либеральная

(А. Харчев, А. Вишневский, С. Голод и др.), основанная на идее прогресса и возвышения ценности свободного выбора. По сути дела, речь шла о противоположных оценках процесса модернизации семьи — о семье так называемого переходного периода [17]. Отмечая общие тенденции изменения семьи — увеличение возраста вступления в брак, отставленное родительство, рост количества разводов, снижение рождаемости, возникновение и распространение новых практик в рамках семейно-брачных отношений, сторонники кризисного и модернизационного подходов предлагают кардинально различные интерпретации. В рамках первого подхода выделяется проблематика демографического кризиса, депопуляции, упадка нравственности [1, 13, 15, 21, 23, 24]. Модернисты акцентируют позитивные тенденции эмансипации женщины в семье, переход от патриархатных к эгалитарным гендерным отношениям, от детоцентристской к супружеской семье, распространение сознательного родительства и планирование деторождения [25]. В рамках этого направления уделяется большое внимание разнообразию сценариев семейных и родительских отношений, существующих в настоящее время [6, 7, 8, 9, 19, 25].

Социология семьи недостаточно обращает внимание на возрастную специфику, молодая семья не имеет четкой концептуализации и рассматривается как один из этапов жизненного цикла семьи. Одно из немногих исследований, посвященных непосредственно молодой семье, проблематизирует единственный аспект ее жизни — жилищные условия и возможности их улучшения посредством государственных программ [2]. Следует отметить, что именно этот аспект чаще всего актуализируется и на уровне государственной политики в отношении молодой семьи.

Данные точки зрения на состояние и перспективы развития семьи воспроизводятся примерно в одинаковом варианте на протяжении последних десятилетий с минимальными корректировками в зависимости от происходящих в стране изменений.

Социально-экономические трансформации 1990-х гг. многими авторами оценивались как негативные с точки зрения влияния на институт семьи (см., напр., [11]). Новая социально-экономическая ситуация в стране, снижение уровня жизни, сильное материальное расслоение общества повлекли за собой снижение уровня брачности, увеличение количества молодых людей, отказывающихся от регистрации брака и рождения ребенка, главным образом по причинам экономического характера. Наиболее существенным изменением паттернов семейной и репродуктивной жизни было для молодежи, которая стала делать выбор между регистрацией брака и рождением первого и второго ребенка в короткий период после начала семейной жизни, как это было в 1980-е гг., в пользу гражданского брака, отставленного родительства и малолетности. Экономические факторы (снижение уровня жизни в целом, отсутствие перспективы улучшения жилищных условий, высокая вероятность безработицы, отсутствие у большинства родителей молодых супругов возможности помогать материально) выступали ведущим фактором, оказывающим влияние на изменение брачно-семейного поведения молодежи. Помимо этого социологи на основе данных, собранных в 1990-е гг., фиксировали возникновение

традиционных гендерных установок, представлений о разделении труда между полами. Изменение структурных условий, возможность высоких заработков для мужчин сделали возможной и привлекательной в глазах многих, особенно молодых женщин, традиционную модель семьи, где мужчина выполняет роль «кормильца», а женщина — «домохозяйки» [11, с. 76]. В целом отечественные социологи семьи были склонны негативно оценивать происходящие в обществе изменения. Т. Гурко, например, пишет: «Распространение, по крайней мере, среди городской молодежи ценностей индивидуализма и гедонизма взамен коллективистских ценностей предшествующих поколений приводит к девальвации семьи» [11, с. 77].

Можно говорить о том, что в 1990-х гг. дискурсивно оформились «общественные паники» в отношении семьи и молодежи, которые стали активно использоваться официальной риторикой в начале 2000-х гг. в контексте демографического кризиса. В современном дискурсе эта проблема определяется в категориях катастрофы, вымирания и исчезновения российской нации. В качестве иллюстрации можно привести следующую цитату: «Если ситуацию в семейных отношениях на Западе можно обозначить словом “кризис”, то для России более подходящим словом является “катастрофа” <...> Вернувшись на путь капитализма, который однажды чуть было не уничтожил Российское государство, нынешняя Россия не только воспроизвела самые негативные стороны западного капитализма, но и, по чисто русской традиции, довела их до крайностей. Главным агрегирующим показателем такой стратегической ошибки является неуклонное снижение численности населения Российской Федерации, сократившейся после развала СССР почти на 10 млн чел. <...> “Вымирание” грозит только России. На Западе <...> этот процесс компенсируют миграционные потоки из стран Третьего мира. <...> ...При нынешней социально-экономической системе в России не сможет выжить не только семья, не сможет выжить и сама Россия» [3, с. 147, 158, 159].

В работе, посвященной изменению репродуктивной политики в России в начале 2000-х гг., М. Ривкин-Фиш показывает, как в общественном сознании при помощи СМИ и выступлений руководителей Коммунистической партии и ЛДПР формируется идея «национальной катастрофы», переживаемой государством в результате антинародных экономических реформ российского правительства. «Геноцид российского народа» представлен в количественных показателях, демонстрирующих снижение уровня рождаемости, увеличение смертности, уменьшение численности населения, а также в качественных характеристиках, связанных с ухудшением «генофонда» нации: плохое здоровье женщин и мужчин как потенциальных и реальных родителей, недостаточно хорошее здоровье новорожденных детей. Риторика вымирания нации активно используется в националистическом дискурсе, связывая количество и расовую чистоту населения с экономическим, политическим и культурным «возрождением» России. Националистический дискурс, который (вос)производит «общественные паники» по вопросам демографии, явно или неявно приводит читателей к тому, чтобы они рассматривали российскую нацию как единое сообщество, объединенное общей биологической сущностью и переживае-

мыми страданиями, которое находится под угрозой вымирания [36, р. 159]. Как отмечает М. Ривкин-Фиш, многие авторы, придерживающиеся этого подхода, ссылаются на результаты разнообразных исследований, посвященных демографии и состоянию здоровья граждан, однако при этом совершенно игнорируют социально-экономические показатели, влияющие на качество жизни представителей той или иной группы, стратификационный характер здоровья, а «также скрывают частичный и выборочный характер данных, которые они представляют» [36, р. 162]. Вырванные из контекста, из сравнительной перспективы, подобного рода результаты используются для того, чтобы сделать более наглядными те негативные явления, которые, по мнению авторов таких материалов, переживает в настоящем российская нация. Фактически эта позиция совпадает с алармистским взглядом на семью, который я рассматривала выше. Ученые, политики, общественные деятели, разделяющие данную точку зрения на проблемы рождаемости, поддерживают пронаталистские меры в семейной политике, выступают за существенное ограничение абортот и сексуального воспитания школьников, видя в этом причины ухудшения демографической ситуации в России.

Важным исключением в этом случае являются работы тех ученых, которые критикуют дискурс о демографическом кризисе и выступают против пронаталистских мер в семейной политике, определяя их как антидемократические и неэффективные. К числу таких авторов можно отнести А. Вишневого, С. Захарова и других. Они не согласны с алармистской точкой зрения на состояние современной российской семьи и стремятся разоблачить «демографические мифы», которые активно создаются и циркулируют в националистическом дискурсе. Эти исследователи считают, что каждая семья имеет право принимать собственное решение относительно рождения ребенка и числа детей в семье (принцип «суверенности семьи» в модернизационном подходе). Они выдвигают аргументы против пронаталистского вмешательства в жизнь семьи со стороны государства, которое было характерно для советской модели семейной политики. Сравнивая демографическое поведение российских граждан с общемировыми тенденциями, они отмечают, что Россия, как и другие страны, находится в стадии демографического перехода, выражающегося в том числе и в уменьшении уровня рождаемости. Но эти авторы подчеркивают определенные причины заболеваемости и смертности, включая злоупотребление алкоголем, сердечно-сосудистые заболевания и травмы, что характерно в большей степени для мужской части населения страны. Они указывают на то, что решение этих проблем требует действий со стороны правительства, направленных на лечение и профилактику заболеваний. Улучшение демографической ситуации связывается ими с улучшением сервисной поддержки семей с детьми, улучшением здравоохранения, социального обеспечения граждан, охраны детства. Эти исследователи подчеркивают значение динамики населения для развития государственного социального обеспечения, например пенсионного фонда, здравоохранения, жилищных условий, поскольку именно достойная социальная поддержка граждан позволит стать России конкурентоспособной на глобальном рынке. Однако, как с сожалением отмечает М. Ривкин-Фиш, все

эти аргументы не смогли в полной мере преодолеть националистический курс, который (вос)производится СМИ и формирует общественное мнение в целом [36, р. 162—164].

Последствия мирового финансового кризиса, которые затронули и Россию в конце 2008 г., не оказали существенного влияния на изменение направленности и объемов финансирования «пятого нацпроекта». Руководство страны неоднократно подчеркивало, что для государства по-прежнему остаются приоритетными социальные вопросы, финансирование которых не только не сократится, а, напротив, будет увеличено в связи с изменившейся финансовой ситуацией. В выступлениях руководителей страны в течение года не единожды отмечалось, что нынешнее экономическое положение принципиально отлично от того, что было в 1990-х гг., и это обеспечит более легкий выход из кризиса. Приведем в качестве иллюстрации данного тезиса цитату из беседы Д. Медведева с руководителем дирекции информационных программ «Первого канала» К. Клейменовым, состоявшейся 15 марта 2009 г. На вопрос о том, не опасается ли Президент, что «молодые люди сегодня могут испытать своего рода разочарование, как-то потеряться», был дан следующий ответ: «Вы знаете, я думаю, что такой проблемы по большому счету нет по нескольким причинам. Во-первых, молодежь — это все-таки наиболее энергичная, наиболее мотивированная часть общества, и ее не так просто сломать. А во-вторых, тот стартовый уровень, на котором мы находимся, существенно отличается от того, что было в 90-е годы. Мы-то с Вами помним, в каком состоянии была страна, какой была экономика, что действительно произошло в один из дней 1998 года, когда практически каждый человек в стране почувствовал себя ограбленным. И в этом смысле этот стартовый уровень все-таки создает достаточный запас прочности. Поэтому в отношении молодежи я не испытываю особого волнения. Конечно, это проверка на прочность. Это очевидно абсолютно. Но я могу сказать, что и старшее поколение, и среднее поколение, они тоже не должны чувствовать сегодня себя как люди, которые снова попали в самую трудную жизненную ситуацию. Да, кризис никого не радует. Он всех напрягает, создает неудобство. Но, конечно, мы не допустим того, что происходило в конце 80-х, в 90-е годы. У нас принципиально другая экономика и, самое главное, принципиально иное отношение к социальным обязательствам государства. Того, что было, не произойдет» [41].

Таким образом, экономический кризис не оказал существенного влияния на позицию государства в области семейной политики и молодой семьи. Большее влияние на изменение направленности и содержания семейной политики, выделение особого направления молодежной семейной политики оказывает демографический кризис, который переживает Россия. Определение репродукции как одной из основных зон ответственности и влияния государства, произошедшее в начале 2000-х гг., привело к тому, что с 2007 г. начался новый этап развития семейной политики, имеющий ярко выраженный пронационалистский характер. Выделение категории молодой семьи как особого института и объекта заботы со стороны государства позволяет говорить о том, что молодежь рассматривается как «демографический резерв», для мобилиза-

ции которого предпринимаются вполне определенные шаги, в первую очередь экономического характера. При этом целый комплекс проблем, с которым сталкиваются молодые родители в своей повседневной жизни, остается вне фокуса внимания государства.

Библиографический список

1. Баранов А. О некоторых фактах популяционного кризиса // СОЦИС. 2000. № 7. С. 116—119.
2. Барашкова А. Жилищные проблемы молодых семей Севера // СОЦИС. 1994. № 7. С. 115—119.
3. Бэттлер А. О любви, семье и государстве : философско-социологический очерк. М. : КомКнига, 2006. 168 с.
4. Вишневский А. Эволюция семьи в СССР и принципы семейной политики // Семья и семейная политика / под ред. А. Вишневского. М. : Ин-т социально-экономических проблем народонаселения АН СССР, 1991. С. 25—41.
5. Гордон Л., Клопов Э. Человек после работы : социальные проблемы быта и внерабочего времени. М. : Наука, 1972. 376 с.
6. Градскова Ю. Новая идеология семьи и ее особенности в России // Обществ. науки и современность. 1997. № 2. С. 181—185.
7. Гурко Т. Вариативность представлений в сфере родительства // СОЦИС. 2000. № 11. С. 90—97.
8. Гурко Т. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // СОЦИС. 1997. № 1. С. 72—79.
9. Гурко Т. Родительство: социологические аспекты. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 160 с.
10. Гурко Т. Россия: социальная политика в отношении молодых родителей // Власть. 2008. № 6. С. 10—14.
11. Гурко Т. Социально-экономические изменения в России и формирование семьи // Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России. М. : Московский общественный научный фонд, 1996. С. 71—78.
12. Гурко Т. Трансформация института современной семьи // СОЦИС. 1995. № 11. С. 95—99.
13. Дементьева И. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // СОЦИС. 2001. № 11. С. 108—113.
14. Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Новое изд-во, 2006. 608 с.
15. Елизаров В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // СОЦИС. 1998. № 2. С. 55—60.
16. Захаров С. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. 2006. № 5. С. 33—69.
17. Здравомыслова О., Арутюнян М. Российская семья на европейском фоне. М. : ИСЭП РАН, 1998. 169 с.
18. Камсюк Л. Репродуктивное здоровье населения России // Население и общество. 1999. № 40. С. 1—4.
19. Клецин А. Внебрачные и альтернативные (немодальные) формы семьи: формы и содержание // Рубеж : (альманах социальных исследований). 1994. № 5. С. 166—179.
20. Климантова Г. Государственная семейная политика современной России : учеб. пособие. М. : Дашков и К, 2004. 192 с.

21. Кризис семьи и депопуляция в России : (круглый стол) // СОЦИС. 1999. № 11. С. 50—57.
22. Ловцова Н. «Здоровая, благополучная семья — опора государства» : гендерный анализ семейной социальной политики // Журн. исследований социальной политики. 2003. № 3/4. С. 323—339.
23. Романович Н. Население Воронежа о причинах и путях преодоления демографического кризиса // СОЦИС. 2004. № 11. С. 62—66.
24. Руткевич М. Депопуляция или вымирание? // СОЦИС. 1996. № 3. С. 104—110.
25. Семейные узы: модели для сборки : сб. ст. : в 2 кн. / сост. и ред. С. Ушакин. М. : НЛЮ, 2004. Кн. 1. 632 с. ; Кн. 2. 520 с.
26. Социология семьи : учеб. / под ред. А. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2005. 640 с.
27. Харчев А. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 365 с.
28. Хасбулатова О. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.
29. Чернова Ж. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб. : Норма, 2008. 328 с.
30. Attwood L. The New Soviet Men and Women : Sex Role Socialization in the USSR. Basingstoke : Macmillan, 1990. 335 p.
31. Billari F. C. The Transition to Parenthood in European Societies // Policy Implications of Changing Family Formation / Ed. by L. Hantrais, D. Philipov, F. Billari. Council of Europe Publishing, 2006. P. 63—111.
32. Ilic M. Women in the Khrushchev Era : an Overview // Women in the Khrushchev Era / Ed. by M. Ilic, S. Reid, L. Attwood. Basingstoke : Palgrave, 2004. P. 5—28.
33. Liegle L. Education in the Family and Family Policy in the Soviet Union // Western Perspectives on Soviet Education in the 1980s / Ed. by J. J. Tomiak. Basingstoke : Macmillan, 1986. P. 57—74.
34. Molyneux M. The «Woman Question» in the Age of Perestroika // New Left Review. 1990. № 183. P. 23—59.
35. Pascall G., Manning N. Gender and Social Policy : Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union // J. of European Social Policy. 2000. Vol. 10. № 3. P. 240—266.
36. Rivkin-Fish M. From «Demographic Crisis» to «Dying Nation». The Politics of Language and Reproduction in Russia // Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture / Ed. by H. Goscilo, A. Lanoux. Northern Illinois University Press, 2006. P. 151—173.
37. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya25.html> (дата обращения: 01.03.2010).
38. URL: http://tours.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_tipe63372type63374tipe82634_28782.shtml (дата обращения: 01.03.2010).
39. URL: <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?article/D=1278517> (дата обращения: 01.03.2010).
40. URL: <http://www.rg.ru/2007.09.05.alimentshiki.htm> (дата обращения: 01.03.2010).
41. URL: <http://www.vz.ru/information/2009/3/15/265191.html> (дата обращения: 01.03.2010).